

Парижские этюды

Москва, 1996 - 1998. - 17 дек. - с. 6.

На очень милой улице Дебюсси отступает суета и душу посещает неизъяснимое умиротворение: этот вечный парижский праздник вдруг становится твоим. В магазинчиках, на лотках торгуют сочным натюрмортом осеннего урожая и разными аппетитными печеными финтифлюшками; праздный люд за столиками, шагнущими на тротуар, журчит диалогами и репликами, и этот разговорчивый ручей не нарушает тишины - словно это голоса со сцены театра «Уличный Париж», и ты его зритель и участник.

Свернув под арочку, попадаешь в каменный ухоженный дворик, расцвеченный зеленью в кадках и алыми геранями. Сюда выходят окна трех высоких домов с корзиночками для цветущих гераней. В углу - вход в маленькую галерею, куда я забрела полюбоваться графикой японской художницы. Во время презентации увидела вошедшего вместе с высоким молодым человеком известного французского коллекционера русского искусства Рене Герра. Я слышала о его единственной выставке в России, в Третьяковской галерее, которая принесла ему одно горе: по дороге из Франции в Москву по вине РОСИЗО и транспортной французской фирмы «Дюбуа», нанятой этим подразделением Министерства культуры России, пропали 22 картины. И до сих пор Ингосстрах не заплатил коллекционеру Герра по страховому полису. Разговорились. Очень тяжело переживая свою потерю, Рене, к счастью, не изменил своей благородной привычке принимать у себя русскую творческую интеллигенцию. Высокий молодой человек оказался художником Виктором Гоппе. Он пока мало известен. Но книжника Герра привлекли его рукодельные книжицы, нарисованные, оформленные с отменной фантазией, и французский меценат пригласил Виктора пожить у него в Париже.

Рене Герра представил своего протеже галеристу Люку Монноту, и тот с места в карьер принялся рассматривать рисунки, акварели Виктора Гоппе, с особым любопытством изучал яркие книжечки, изготовленные художником собственноручно. Удивительный и странный народ эти французы! Мы бы глаз кинули на какой-нибудь дорогой фолиант, а они интересуются крохотульками в 6-7 страниц! Я тоже взяла в руки книжицу. К. Кедров «Ми-ре-до». Решена она с оглядкой на времена футуризма и конструктивизма: обложка из бледненького картона под рогожку; название книжки спускается по ступенькам вниз. Четыре разномастные, разноцветные пуговицы на обложке - словно ноты, сорвавшиеся с линейки. Сам художник так объясняет свой подход:

- Я стремился, чтобы расположение букв, строк напоминало дышащий нотный стан. Я участвую в книге в той степени, чтобы поддержать эффект звучания в мире «Ми-ре-до».

В ручной «типографии» В. Гоппе выпущен в свет (10 пронумерованных экземпляров!) еще один москвич - Руслан Элинин. Мне показалось, что пластическая манера В. Гоппе объясняется его семейными подробностями: уже 4 года он женат на актрисе театра Мац-

квичюса. На второй странице книжки балетные пуанты вытандовывают поэтические строки: «Мои стихи - мои женщины. Я многих разлюбил. Но пользуюсь. Некоторых люблю» (автор знаками препинания пренебрегает. Каков!). И почти шокирующий момент: Элинин, очевидно, особенно ценит эротическое воодушевление, поэтому художник для создания рисунка выбирает соответствующие строки: «Что причинять объекту любви - боль или радость? Все блаженство!». На рисунке - обнаженные Он и Она балансируют на грани боли и блаженства; художник не перешагивает за грань пристойности...

Галерист Люк Моннот оценил книжные эксперименты Виктора Гоппе и согласился выставить у себя на Дебюсси, 13, работы русского художника. Денег у Виктора, естественно, не было, а потому пригласительный билет он «стильно» нарисовал и написал сам, а потом сделал ксерокопии и раздал друзьям, изготовил классную афишу, которая висела перед входом в галерею, а ее маленький вариант - на улице Дебюсси. Выставка работала 5 дней.

- Была презентация моей выставки, - рассказывает Виктор. - Пришли и французы, и «офранцузившиеся» мои приятели, и знакомые из России. Коллекционеры купили у меня приблизительно треть экспозиции. Люк Моннот очень мило обошелся со мной и тоже купил несколько моих книжечек.

Виктор, кажется невероятным, что вы почти два месяца живете в Париже бесплатно - у Рене Герра.

- Да, мне все это кажется сном. Щедрость пригласившего меня Рене поразительно. Мы с ним почти ежевечерне задушевно говорим об искусстве. Не всегда наши мне-

ния сходились. Меня поражает редкая эрудиция французского профессора славистики.

- Да, он знает о русской литературе, о русском искусстве куда больше и основательнее, чем многие из наших.

- Если бы таких знатоков и грамотных ценителей было у нас на родине побольше, то неизбежно в России наступила бы еще одна эпоха Возрождения.

- Вам понравился район, где расположен дом Рене Герра?

- Это в 15 минутах езды от центра Парижа. Взгорье, откуда открывается потрясающий вид. В моем распоряжении - целый особняк. 5 минут до метро. Недалеко - домик Цветаевой. Я отрисовал несколько видочков этого дома. Недалеко от дома Рене - дом Анри Матисса. Мой благодетель знает всех русских парижан, помогает мне встретиться со всеми, кто мне интересен. Познакомил меня с Николаем Дронниковым, тоже изготовителем книг. Мы хорошо с ним пообщались.

- Как вы себя чувствовали вначале, когда вам постелили постель в комнате, где на стенах висят работы знаменитых русских художников?

- Я долго не мог отделаться от зависти к самому себе. Все во мне вибрировало: «Неужели это происходит со мной на самом деле?». В музее Рене Герра - Коровин, Анненков, Малявин, Зак, Сомое, Бенуа, Шаркун, Цингер и ныне живущий в Париже Сергей Голлгербах.

Вечером, когда отдохали кисть и карандаш, Виктор доставал с полки книги русских писателей, поэтов, философов, религиозных деятелей. И почти на каждой - дарственная надпись хозяину этого странного дома. Одних этих автографов русских знаменитостей хватит для целого тома.

Но, пожалуй, самая большая драгоценность в поместье Герра - его жена Катя, Екатерина Андреевна, русская француженка, парижанка по рождению, врач по специальности, а по душевному складу - милый, добрый человек, прекрасная, гостеприимная хозяйка. Вместе с Виктором я была приглашена на обед. Здесь это красивый ритуал. Отменно сервированный стол с вкусностями, которые приготовила сама Катя, или магазинной едой, но в «штучном» варианте. На огромном блюде - сыры нескольких сортов. Они так аппетитны, что заслуживают песнопений. В этом доме подают красное и белое вино из хороших подвалов.

В. Гоппе. Линогравюра к «Запискам из подполья» Достоевского.

Церковь в городе Овер-сюр-Уаз.

Виктор мне рассказывал: - Несколько раз я испытывал удовольствие пообедать у Герра. Все всегда безупречно. Екатерина Андреевна - очень занятая человек. В 7 утра она уезжает в клинику. А вечером, случается, эта милая женщина катает по Парижу и окрестностям своих собственных русских гостей.

Пока Виктор Гоппе гостил у Герра, там побывала в гостях известная художница Наталья Нестерова; из Бер-лез-Альп приехали киевляне - художник Александр Дубовик с женой Ириной. Находясь во Франко-Русском доме, открытым братьями Герра - Алэном и Рене - в родовом поместье в горах, Дубовик расписал деревянную католическую часовню. Семья художника жила в гостях у Герра в Бер-лез-Альп бесплатно, и за роспись часовни Дубовик ничего не потребовал.

Вспоминает Виктор Гоппе и о своем путешествии по окрестностям Парижа:

- Рене возил меня в сторону Нормандии, в музей Ван Гога в городе Овер-сюр-Уаз. Музей на 2-м этаже домика, а внизу, как и в старину, - винный магазин. Я рисовал знаменитую церковь, очевидно, где и отпевали Ван Гога. Побывал я на кладбище. На скромной могиле великого живописца - серая плита с небольшим возвышением; на камне выбита надпись: «Ван Гог» и даты жизни. Точно такое надгробие на могиле его брата Тео.

- Виктор, пребывание в Париже раздвинуло ваше представление о собственных возможностях?

- Признаюсь, недели две я не мог работать. К счастью, депрессия закончилась; что-то русско-советское в себе мне пришлось преодолеть. Я создал там три серии. Первая «Мэри-Дези» (название станции рядом с домиком Марины Цветаевой) - это рисунки тушью с текстами. Их можно считать лирическим дневником. В другой серии «Костюмы Айседоры» снова сказало мое пристрастие к пластическому театру. Я долго путешествовал по Лувру, как Дункан когда-то, изучал греческие вазы, запоминал пластику античных танцовщиц. Видел терракоты художников XX века, запечатлевших несравненную Айседору. Третья моя серия - поэтическая: Я взял на себя смелость проиллюстрировать парижского автора - преподавателя университета Антона Козлова. Молодые люди моего возраста, уехавшие из России лет 8 назад, издают в Париже журнал «Степоскоп» на русском языке. Его тираж - 50 экземпляров. Печатали они и стихи Антона, которые мне понравились, и я сделал серию для автора, но пока у него нет денег, чтобы издать книжку...

Мы увиделись с художником Виктором Гоппе еще раз уже в Москве. Мне показались любопытными его цветные линогравюры к «Запискам из подполья» Достоевского. Может быть, это наиболее цельная работа молодого художника. Он так объясняет свой выбор:

- Я Федору Михайловичу никакой не современник, не герой, не насекомое - я сам по себе... В «Записках из подполья» я нашел то, что ищу - откровение.

ОЛЬГА КОРСАКОВА.

Париж - Москва.